

**К вопросу о славянском единстве: позиция Пушкина
(на материале поэмы «Полтава»)**

О воззрениях Пушкина на проблемы славянского единства много говорено в связи с русско-польскими отношениями и событиями 30-ых годов XIX в. Взятие русскими войсками Варшавы вызвало взрыв антироссийских настроений в Европе. Стихотворения «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» 1831 года – реакция русского поэта на непонимание и враждебный голос Запада.

Художественно-публицистический ответ поэта «клеветникам России» сводится к тому, что

1) «*семейная вражда*», «*домашний, старый спор*» не терпят вмешательства со стороны чужих, способных только нагнать атмосферу предвзятым отношением («*И ненавидите вы нас*»);

2) единство России и Польши «существляется как единство вокруг сильного, не предполагающее унижение слабейшего; смысл и исход борьбы «*кичливого ляха*» и «*верного русса*» предрешен неравенством сил: легче представить, что «*славянские ручьи сольются в русском море*», чем то, что море «*иссякнет*»;

3) взывание к исторической памяти об Отечественной войне 1812 г. призвано убедить как в государственной мощи России («*на развалинах пылающей Москвы Мы не признали наглой воли Того, под кем дрожали вы*»), так и в том, что русские не стремятся к всемирному владычеству, но, напротив, несут народам гарантию свободы и мира: «*И нашей кровью искупили Европы вольность, честь и мир*» («*Клеветникам России*»).

Поэтическим памфлетам, написанным по поводу русско-польской ситуации, предшествует создание в 1829 году поэмы на украинскую тему «Полтава» (антиукраинской успели окрестить ее политизированные современные украинские интерпретаторы).

Взаимоотношения России с ее западными и восточными родичами неизменно видятся поэту как *«спор славян между собою. Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою»*, то есть отношения, predeterminedенные свыше, на исход которых человеческие действия не могут оказать решающего влияния. Богом назначенные соседи не могут произвольно оборвать связи, установленные не ими.

Но если в стихотворениях Пушкин ограничивается отсылкой к судьбе, то в образах поэмы вырисовывается картина, объясняющая внутренние основания для противостояния родственных народов. В поэме «Полтава» ставится вопрос: что ведет к объединению или распадению человеческих сообществ. И личная, романтическая (Мазепа и Мария) и государственная, классицистская (Мазепа и Петр I) сюжетные линии поэмы корреспондируют друг с другом именно в ответе на этот вопрос, указывая на точки бифуркации, грозящие взрывом, губительным потрясением основ человеческого существования.

Для Пушкина с его обостренным чувством свободы архиважной категорией является понятие границы. Границами отделяется пространство (ментальное и/или физическое), принадлежащее индивидууму или более крупной социальной системе, за которое субъект готов нести ответственность и которое вынужден защищать во имя самосохранения (духовного или физического). Поэма «Полтава» занимает особое место в творческих исканиях Пушкина, поскольку исследуется не только и не столько личное пространство человека, сколько пространство групповое, коллективное. Причем важно здесь и то, что герои поэмы сознают себя членами некоей общности, и то, что общность эту они на изображаемом историческом этапе не воспринимают как намертво закрепленную и неизменную. В «Полтаве» поэт обозначает границы, за которыми человеческие единства, будь то семья или единство родственных наций, рушатся с губительными для всех последствиями.

Украинский гетман, клявшийся в верности русскому царю, предает Петра I, переходя на сторону шведского короля Карла XII. Ключ к пониманию ситуации

разрыва – в противоречивости позиции не столько Мазепы (у Мазепы личные мотивы, эго выше нации), сколько той части народа, которая жаждала перемен («*Опасных алча перемен*», «*Народной чаяли войны*»). Мазепа – лидер именно потому, что четче других способен сформулировать ожидания украинского народа:

*Без милой вольности и славы
Склоняли долго мы главы
Под покровительством Варшавы,
Под самовластием Москвы.
Но независимой державой
Украине быть уже пора*

Глубинное противоречие тех, кто «*Роптали, требуя кичливо, Чтоб гетман узы их расторг*» состоит в том, что горячие поборники независимости на самом деле жаждут лишь присоединения к другому государству, выбора иного покровителя: «*И Карла ждал не перигливо Их легкомысленный восторг*». У Пушкина «*легкомысленный восторг*» рифмуется с не предполагающим легкомыслия выбором «*расторг*». Заметим и то, что ореол кичливости Пушкин набрасывает как на требующих суверенитета поляков («*кичливый лях*» в «*Клеветникам России*»), так и на украинцев («*требуя кичливо*»). Кичливыми требованиями Пушкин называет те установки, в которых высокое представление о себе не опирается на реальную самодостаточность. Декларируемое свободолобие на самом деле означает потребность сменить того, кому покоряются, к чьим ногам готовы положить «*бунчук покорный*»: «*К ногам он Карлу положил Бунчук покорный*».

Таким образом, вопрос о славянском единстве у Пушкина, как ставится он в поэме «Полтава», – это вопрос о том, почему распадается семья, в чем причина «*семейной вражды*», ведущей к смене партнеров?

Почему Мазепа уходит от Петра к Карлу? В одном из эпизодов поэмы Мазепа рассказывает Орлику о старой обиде, которую он затаил на царя. На пиру

«слово смелое» украинского гетмана вызвало гнев Петра: *«И за усы мои седые Меня с угрозой ухватил»*. Отношения, базирующиеся на угрозе «ухватить за усы», поддерживаются до тех пор, пока подчиненная сторона смиряется *«в бессильном гневе»*. Но и *«оставаясь послушным подданным»* человек горит *«стесненной злобою»*, *«опасных алча перемен»*.

И в семейных, межличностных отношениях, и в отношениях между народами – фиксирует Пушкин схожую ситуацию - само собой разумеющимся считается право старшего знать, как нужно поступать и не спрашивать о мнении или согласии младшего. Матери Марии и в голову не приходит, что дочь может думать иначе, чем они с отцом. Юный Петр считает себя вправе схватить старшего по возрасту за бороду. Игнорируется право младшего – по возрасту или положению – на самостоятельное принятие решений, на личное пространство. Игнорирование чужих границ особенно часто происходит, когда чужой видится своим. Присваиваются дети, присваиваются народы или земли – на том только основании, что родственные связи дают такое право. Соответственно такой порядок поддерживается до тех пор, пока присвоенный человек или народ согласен на отсутствие личного пространства. Но Пушкин уверен в неистребимости человеческой потребности «гордиться» тем, что любишь и что считаешь своим (не было бы ее, не было бы и поэмы о распадении человеческих связей). Герои «Полтавы» гордятся родной землей, или *«прекрасной дочерью своей»*, или собой (и тогда гордость особенно близко соприкасается со злом: *«гордым злодеем»* считает Кочубей бывшего друга). Можно гордиться и целомудрием, и позором, и Мария в ослеплении гордится своим позором, который связывает ее имя с именем любимого человека: *«Ты им, в безумном упоенье, Как целомудрием горда»*. Ср.: в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» «внука славян» поэт наделяет эпитетом «гордый» («гордый внук славян»), надо полагать, видя в этом свойстве особенность славянской природы.

Гордость, потребность воздвигнуть себе трон («*трон воздвигну я*», - планирует Мазепа) вынуждает стремиться к освобождению от связывающих отношений. Так, Мария «*Соблазном посланное ложе ... отчей сени предпочла*», так, Мазепа «*воинственным бродягой Увлекся...на старость лет*», «*Был ослеплен его отвагой*», так «*своеволием пылая, Роптала юность удалая, Опасных алча перемен*» требуя, «*Чтоб гетман узы их расторг*».

Заметим, что Пушкин расторгнутые во имя новых старые узы между людьми или народами помещает в поэме в скептический контекст: ослеплением характеризуются такого рода действия в их начале, раскаянием – в конце: «*Поторопились мы некстати...Ошибся в этом Карле я*». Показывается правомерность протеста против привычки сильных «*Держать Мазепу за усы*». Но заставляет задуматься обилие слов с семантикой измены и предательства, характеризующих Мазепу как *Иуду*.

Великодержавные амбиции едких, обиды и неудовлетворенные потребности других вынесены автором на поверхность; на глубинном пласте содержания поэмы за конфликтной составляющей непростых отношений обнаруживается, что Пушкин рисует все же не два враждебных лагеря, а единый при всей противоречивости своих составляющих мир. И русские, и украинцы живут по одним законам. Органическую цельность и внутреннюю связность русско-украинскому миру придает то, что В.Л. Цымбурский, русский философ, родившийся во Львове, а своей родиной считавший белорусский Могилев, называл «сакральной вертикалью».

«Сакральная вертикаль», по определению В. Л. Цымбурского, - религиозные или идеологические представления, соотносящие культурную, геополитическую и социальную практику с Абсолютом, с высшей трансцендентной реальностью. Сакральная вертикаль – та ценностная основа, которая объединяет духовных наследников древних русичей - русских и украинских героев поэмы Пушкина и отличает их от шведского короля. Интересно, что появляется Карл в поэме – «в качалке». Горизонтальное

положение шведского короля, показанного в окружении своих сподвижников, обретает символический смысл при сопоставлении со сценой появления Петра. «Свыше вдохновенный», Петр выходит на поле боя со словами «За дело, с Богом!». И чуть далее: «он весь, как божия гроза».

Реалист Пушкин не обманывает себя иллюзиями. Герои «Полтавы» далеки от святости и проявляют нечувствие греха (Кочубей и его жена), неумение отличать доброе от злого (Мария), порочность (Мазепа и Орлик), гневливость (Петр I), беспечность и легкомыслие (народ, который только что молился за страдальцев, мгновенно и легко забывает о пережитом: «Народ беспечный Идет, рассыпавшись, домой И про свои работы вечны Уже толкует меж собой»). Собранный воедино в высоком молитвенном порыве перед лицом смерти, в своем обыденном существовании народ беззаботно расточает сокровища духа, к которым только что приобщился, рассыпаясь, дробясь, мельчая, обособляясь. У «черни веселой» «вечны» только «работы», и суетная земная многозаботливость отчуждает людей от деятельной христианской жизни. В повседневности приглушается воля к святости, которая у многих напоминает о себе лишь перед лицом смерти и Вечности: на плахе (как у Кочубея), рядом с плахой (народ, зреющий казнь) или в воинском сражении (Петр).

Но тем не менее территория поэмы маркирована общей для всех героев славянского мира памятью о Боге как высшей реальности. И даже те, кто не ведают святыни (о Мазепе сказано: «Он не ведает святыни»), обращаются к вере – как эффективному средству обмана. Богом клянется Мазепа, вынашивающий измену, в своей верности царю: «И знает бог ... Он ... Царю служил душою верной». Притворяясь умирающим, Мазепа разыгрывает кощунственный спектакль, используя священника и святой обряд («Святой обряд он хочет править...»)

Восточно-христианское сознание привычно взывает к Богу. И Мазепа, и Кочубей, и Петр – лицемерно или искренне, но презентуют себя как носителей воли Божией, тем самым подавая знак окружающим о своей принадлежности к

целому. Спекуляция христианскими ценностями – и дополнительное указание на их значимость для соотечественников, но это и показатель деградации нравственности, профанации святынь.

Тем не менее грешные герои «Полтавы» отличаются от пришельцев из Швеции, воинственных, мужественных, профессионалов воинского дела, но непонятных русско-украинскому миру в своих верованиях («Бог вещь, какому счастью верит», - говорит Мазепа о Карле). И отличие это в основе своей определяется общей для восточного славянства идеей преодоления разрыва между человеком и Богом как высшей точкой устремлений христианина. В глубинах национального сознания и русских, и украинцев жизнь верующего – это путь человека к Богу. Именно так представлен в поэме жизненный путь Кочубея, показывающий, что Бог - реальность, перед которой рано или поздно встает каждый. А для человека Запада вера - в большей или меньшей степени отвлеченное от реалий сегодняшнего дня понятие, ценность, скорее риторическая, чем пригодная для повседневного обихода.

Не случайно рядом с Петром возникает фигура Палея, украинского полковника и закоренелого врага Мазепы, не случайно введен и эпизод покушения безымянного молодого казака на Мазепу. Разделение на своих и чужих в поэме по национальному только признаку не выдерживается даже на сюжетном уровне. Ср., в украинских народных песнях и думах шведы часто называются католиками, а в Мазепе подчеркивается чуждость всему украинскому, постоянно присутствует мотив Иуды.

Другое дело, что в поэме представлен момент надлома "сакральной вертикали", которая дублируется вертикалью светской, прагматической, утилитарной, все больше вытесняющей максималистские представления о назначении человека. И идеи свободы и независимости, права на самоопределение, вплоть до отделения – тоже знамение переходного времени и смены ценностных ориентиров. И в судьбе Марии, и в судьбе Украины дает о себе знать реальность нового времени, утверждающая естественное для западного

человека право самостоятельно решать свою судьбу, не взирая на традиции, обычаи, религиозные предписания.

И характеристики героев, и развитие сюжета определяются тем, что секулярные идеологические ценности гуманизма, рационализма, логики, свободы, демократии, прогресса накладываются на традиционные религиозные установки. В сюжете поэмы большое место занимает мотив противостояния героев гражданственным и нравственным установкам общества. Мария против воли родителей соединяется с Мазепой, своим крестным отцом. Мазепа причудливо соединяет христианские представления о непостижимом чуде Божией благодати с присущими европейцам представлениями о необходимости расчета, рационального устройства жизни: «Расчет и дерзкий, и плохой, И в нем не будет благодати». И Петр учится военному искусству у шведов, а побеждать в полтавской битве идет «с Богом». Да и автор «Полтавы» шутливо соединяет христианскую благодать с языческим богом («И бога браней благодатью»).

Мазепа предпочитает Карла Петру, потому что ослабла связь социально-политической практики с трансцендентной реальностью, а по человеческим меркам выбирать следует земные перспективы. Парадокс ситуации в том, что Петр, как и Мазепа, стремится объединить национальную судьбу и судьбу европейскую. Русский царь шведов называет своими учителями и, казалось бы, переориентирует путь России на европейские маршруты. В петровскую эпоху осуществляется переход от теоцентрической модели бытия к антропоцентрической. Украинский гетман и русский царь, ставшие врагами, в равной мере соответствуют духу времени. Но то, что первый безжалостно отбрасывает, второй пытается совместить. Интерес Пушкина к личности Петра обусловлен своеобразием синтетической деятельности «самодержавного великана», который, сохраняя единовластие и единоверие, видел свою миссию в том, чтобы прорубить окно в Европу, как будет сказано в следующей поэме о Петре. Европейские ценности не уничтожают идеалы славянского мира, но заземляют их законами сосуществования людей и народов, для которых

религиозная планка слишком высока и как таковая не обеспечивает потребности личного и национального эгоизма. Ценности Запада поддерживают существование внешнего человека и внешних границ, жизнь по горизонтали (вспомним «качалку» шведского короля). Сакральная вертикаль обретает или утрачивает актуальность в зависимости от фазы развития личности, общества, государства. Толерантность в отношениях как европейская ценность и христианское смирение – это разные стадии осуществления одного и того же основополагающего принципа, сформулированного в Библии как единство любви к ближнему и к самому себе. Когда Пушкин обмолвился как-то, что у нас единственный европеец – правительство, он констатировал не столько разрыв между народом и правительством, сколько различные траектории развития, по которым может следовать российское государство.

И Кочубей, и Мазепа лицемерят и святотатствуют, потому что людей боятся больше, чем Бога. Опасность забвения иерархии ценностей – страшный тупик, в который попадают герои русско-украинского мира, забывая смысл своих святынь. По Пушкину, есть интересы, расчеты, имидж, которыми определяется внешняя жизнь, материя жизни и есть ценности, идеалы, то внутреннее, которое можно было бы назвать ядром внутренней жизни, ядром души человека или нации. И это те ценности, которые имеют надличностный характер и которыми создается и поддерживается национальная самобытность.

Культурно-ценностная консолидация, религиозная идентичность – вот то, что по высшему счету характеризует отношения русских и украинцев. Нерушимость общности в основе своей обусловлена исповедуемыми людьми и нациями идеалами. Петр реализует личностный потенциал как по горизонтали (внешний человек), так и по вертикали. Власть Петра еще не отпала от своего сакрального архетипа, тогда как власть Мазепы («Ты носишь власти знак») базируется лишь на групповых интересах. В отличие от Петра Мазепа не воспринимает влияний «свыше». Тем значимее для него воздействие «снизу», тем важнее заручиться поддержкой «друзей надежных», княгини Дульской, иезуита,

королей. У Пушкина и Мазепа не закрыт от высших состояний сознания, но состояния эти переживаются гетманом как недостойная слабость, препятствующая продвижению вперед.

Человек, не отягощающий себя связью с Небом, легко относится и к земным связям. Мазепа предает не только царя, но и друга, и любовь («*Любовник гетману уступит, не то моя прольется кровь*»). Дважды в поэме называется он Иудой («сам царь Иуду утешал», «Куда бежал Иуда в страхе»). Отказ от духовных основ ограничивает возможности взаимодействия, поскольку прагматические основания отношений не могут не быть временными и в конечном счете ведут скорее к противодействию, конфронтации личностной, деловой, политической.

Итог художественного исследования путей развития (или распада?) славянского единства Пушкин старательно объективирует. Окончательный приговор произносит сама история: «*Прошло сто лет – и что ж осталось От сильных, гордых сих мужей...*». В финале поэмы звучат слова о «*торжествующей святыне*». Кто остается в памяти народной? А память народная, как и следовало ожидать от поэмы о двух близких народах, то раздваивается, то вновь становится единой. «*В гражданстве северной державы, В ее воинственной судьбе, Лишь ты воздвиг, герой Полтавы, Огромный памятник себе*», - память о Петре I соотносится с северной державой. Могила «*двух страдальцев*» в Киевской лавре, дубы, насажденные друзьями в Диканьке, «*о праотцах казненных Доныне внукам говорят*». История хранит имена героев и жертв. И на Украине, и в России забывают предателей: «*Забыв Мазепа с давних пор*». И здесь Пушкин исторически точен, текстуально сближая забвение того, кто «*не ведает святыни*» и торжество святыни. «*В торжествующей святыне*» Мазепу не помнят. Имя Мазепы будет всплывать из забвения всякий раз, когда потребуется это политической мазеповщине, берущей на вооружение принципы Мазепы в драматические эпохи попраiania святынь. Но Пушкин отделяет личность Иуды от песен гетмана – тех песен «*кои он слагал, Когда он беден был и мал*» и кои и теперь «*бренчит*» «*слепой украинский певец*». Видимо, характеристики беден и

мал не препятствуют созданию бессмертных творений, тогда как гордость богатых и славных подвергается страшным испытаниям. А о «грешной деве» слепой певец говорит «мимоходом». Кажется, в такой исторической перспективе образы памяти двух народов не противоречат друг другу.

Никакие общие ценности не спасут от распада целостность, дорожащую внешними границами и пренебрегающую границами внутренними. Уважение к внутренним границам личности, общественной группы, нации, государства, понимание потребности в независимости ничуть не противоречит идее единства родственных душ или наций.

И еще. Безусловно, только общие высшие ценности (вера, надежда, любовь) обеспечивают подлинное единство семьи, общества, государства, но только в том случае, если идеалы некоей общности людей не отчуждаются в их сознании от реальности, не расходятся с реальной практикой, являются действительной целью жизни. Как только идеал из цели превращается в средство, высокие слова и низкие поступки, лицемерие и двуличность становятся нормой жизни, а с такими нормами опору ищут не в сакральной вертикали и единство выстраивается уже по горизонтали.